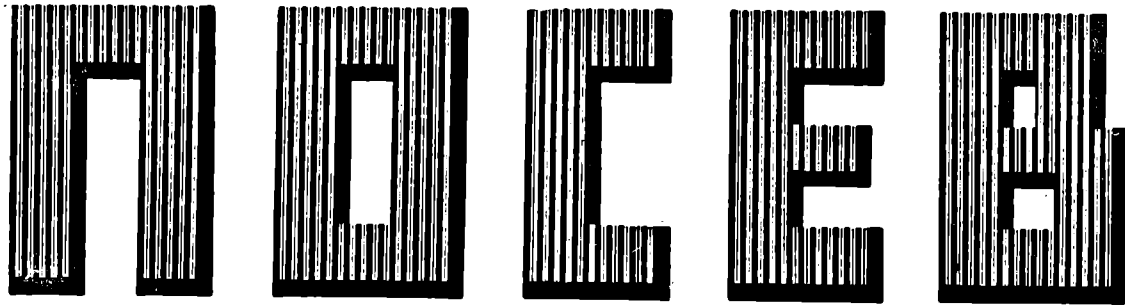

ГОД ИЗДАНИЯ XIV
№ 31 (638)ВОСКРЕСЕНЬЕ
3 АВГУСТА 1958ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrg. 14 Nr. 31 (638)

Russische Wochenzeitung • POSSEV-Die Aussaat • Frankfurt M., Merianstr. 24 a

Sonntag 3. 8. 1958

Встреча „на верхах“

Тяга к «встрече на высоком уровне» существует у Хрущева не со вчерашнего дня. Она дала себя знать уже очень скоро после расправы с «антипартийной группой» Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Расправа принесла нынешнему первому секретарю ЦК КПСС и «премьеру» доминирующую роль в управлении партией и страной, но не упрочила, тем не менее, положения Хрущева настолько, насколько последнему хотелось бы. Отсюда нетрудно заключить, что основная причина желания Хрущева добиться «встречи» коренится в том, что ему нужны крупные внешнеполитические козыри для борьбы за свое господство и господство своего окружения внутри КПСС.

При этом содержание переговоров во время «встречи» отступает на второй план сравнительно с самим фактом встречи: Хрущев раньше добивался «встречи» под предлогом урегулирования вопроса о разоружении; теперь он добивается «встречи» под предлогом необходимости уладить ближневосточный кризис. Что же касается содержания переговоров, то важно лишь одно: из них должно быть заранее исключено все то, что обязывало бы КПСС к существенным уступкам (например, эффективный международный контроль над разоружением, воссоединение Германии, венгерский вопрос и пр.).

Такая встреча, проведенная к тому же в желательном для Хрущева направлении, действительно дала бы ему в руки большие козыри. Она показала бы, во-первых, всем противникам Хрущева в рядах КПСС, что «капиталистическое окружение», подавленное успехами взятого им курса, видит в нем настолько серьезного партнера, что деятели «окружения», хотя бы и против своей воли, вынуждены сесть с ним за один стол, санкционируя тем самым его как бы «международное признание». Она дала бы, во-вторых, Хрущеву возможность выступить «на высоком уровне» в роли глашатая мирового коммунизма; она открыла бы ему в лоне «братских компартий» дорогу к непрекаемому авторитетному лидерству. Она дала бы известный выход, в-третьих, болезненному тщеславию Хрущева, — следствию подсознательного комплекса собственной малочисленности. Она увенчала бы его — по крайней мере в его собственных глазах, — лаврами великого стратега мировой коммунистической революции. Поэтому психологически понятно, почему именно в США, — цитадель «капиталистической реакции» — с такой страстностью рвется Хрущев. Америка импонирует Хрущеву своей мощью. Войти, как равному, в Белый дом, вести в самой цитадели врага подрывную работу, обмануть «дурячков Запада» и произвести, по возвращении в Москву, очередную речь с лейтмотивом «Гром победы раздавайся!» — это ли не головокружительный успех? Что тогда возразят догматики? Где тогда будут ревизионисты? Как почувствует себя тогда Молотов в Улан-Баторе, «чинуши» в министерствах, «горе-теоретики» в институтах, сторонники Жукова в армии и сам опальный маршал?

*

И интраспартийные расчеты и неизжитый комплекс толкают Хрущева к «встрече на высоком уровне».

С целью добиться «встречи» он спекулирует на миролюбии народов, он пытается (что, правда, шито белыми нитками) посеять рознь между западными демократиями, он переходит от угроз к обещаниям и от обещаний к угрозам.

Но как представляет себе Хрущев такую встречу, становится совершенно ясно, если учесть, что всякую серьезную предварительную подготовку «встречи» он отвергает. Попробуем же нарисовать «встречу на высоком уровне» в ее хрущевском варианте.

В Нью-Йорке (или, на худой конец, в Женеве) собираются Хрущев, Макмиллан, ген. де Голль, президент Эйзенхауэр, Неру и Насер. Хрущев произносит громовую речь, разоблачая «империалистов» и «колониалистов» Запада, указывая пальцем прямо на Эйзенхауэра и Макмиллана. Ему поддакивает Насер. Неру осуждает во имя человеколюбия «империализм» (Кашмир, захваченный Индией, как известно, не тема для «встречи») и пытается склонить стороны к компромиссу. Компромисс находится: американцы уходят из Ливана, англичане из Иордании. В обеих странах с участием наблюдателей из ООН производятся плебисциты «за» или «против» Насера, а власть в этих странах немедленно перенимают «коалиционные» правительства, в которых ведомства внутренних дел в руках насеровских ставленников. Взамен Хрущев и Насер обещают соблюдать Хартию Объединенных Наций, а правители Ирака сверх того, — не национализировать нефтяных источников и поставлять исправно нефть. Нарисованное нами, увы, не карикатура: тому порукой Ялта и Потсдам. Стоит ли дорисовывать развязку? Захват Насером Ливана и Иордании (примерно через два месяца), национализацию нефти в Ираке (примерно через полгода) и политику шантажа, проводимую затем Хрущевым и Насером: Франции предлагается уйти из Алжира (под угрозой лишения нефти), Великобритании — из Адена и т. д. вплоть до новой «встречи», на которой Хрущев потребует ликвидации НАТО и ухода американских войск из Европы, в чем его будут поддерживать те же Насер (на этот раз — диктатор 80-ти миллионов арабов) и Неру.

Вот те лавры, о которых мечтает Хрущев, стремясь к «встрече на высоком уровне».

Посмотрим же теперь, как представляется себе «встречу» демократический мир.

Несмотря на все обнаружившиеся расхождения между США, Великобританией и Францией по вопросу о технике и сроках проведения «встречи», в основном все три западные демократии едины: «встреча» имеет смысл лишь при условии, что она действительно приведет к разрядке международного напряжения, и демократии не будут вынуждены в результате этой «встречи» поступиться своими жизненными интересами на Ближнем Востоке.

Но в самом таком взгляде уже заключена одна опасная иллюзия. То, что эта иллюзия опасна, может подсказать западным деятелям опыт Ялты и совсем свежий опыт Женевы. Иллюзия эта предполагает, что встреча с руководителями КПСС может побудить их отказаться от своих замыслов и честно соблюдать достигнутые соглашения. Опасность ее заключается в том, что после короткого периода надежд наступает глубокое и запоздалое разочарование, сожаление об ошибках и упущенных возможностях. А между тем линия обороны свободного мира еще более сужается.

Дело мира всего мира не достижимо, угроза новой войны не устранима до тех пор, пока народы, составляющие одну треть человечества, поработены коммунистическим режимом.

В демократических странах распространено мнение, что отказ от встречи с Хрущевым равносителен потере престижа: отказ этот дает повод КПСС обвинить демократии в срыве дела мира.

Организация Объединенных Наций, рассмотрев венгерский вопрос, осудила СССР как агрессора, потребовала от руководства КПСС вывода советских войск из Венгрии и обеспечения в Венгрии свободных выборов под международным контролем. Выполнено ли это требование руководством КПСС? Нет, не выполнено. Даст ли руководство КПСС свое согласие разрешить этот вопрос согласно с требованием ООН на «встрече»? А если не даст, то кто тогда отвечает за срыв дела мира?

Между тем, несмотря на всю свою трагичность, венгерский вопрос — лишь часть огромного целого. Здравый смысл всех без исключения поработанных народов диктует им неприятие войны, желание мира. Следовательно, первым вопросом в повестке дня «встречи» должно стоять проведение свободных выборов не только в Венгрии, но и в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Албании, Китае и, наконец, в самой нашей стране. Согласится ли на такую повестку дня

Хрущев? А если не согласится, то кто тогда срывает дело мира?

Хрущев, стремясь к «встрече на высоком уровне», отнюдь не рассматривает эту встречу, как инструмент полюбовного сговора, выгодного для обеих сторон. Нет, «встреча» в его представлении это лишь собственный политико-пропагандный успех и это (тем самым) поражение Свободного мира.

Демократический мир соглашается в принципе на «встречу», но лишь при условии, что на ней можно будет о чем-либо договориться. Такая точка зрения, однако, представляется нам порочной в самой своей основе: «ни о каком идеологическом разоружении мы не думаем», сказал как-то Хрущев, и этим сказал он всё.

Мы понимаем то предубеждение против «встречи», которое царит в толще широких масс американского народа: они опасаются нового «Мюнхена». Но нет никакой надобности воссоздавать опыт Мюнхена. Если уж речь идет о «встрече», то замысел ее можно считать тактически правильным лишь при том условии, что будет заранее отброшена всякая надежда, всякий расчет на полюбовный сговор. «Встреча» (если до нее дойдет) должна быть организована так, чтобы Хрущев с нее ушел побежденным, а демократии — победителями. Без какого бы то ни было промежуточного, третьего решения. Возможна ли, принимая во внимание нынешнюю политическую обстановку, организация такой встречи? Согласится ли Хрущев, в интересах гуманности и человеколюбия, поехать на «встречу», ожидая поражения, а не победы? А если нет, то нужно оставить и всякую мечту о «встрече», как о средстве разрядки международной напряженности и устранения опасности войны.

*

Наша страна, наш народ, если и заинтересованы во «встрече на высоком уровне», то лишь в такой встрече, которая бы принесла неминуемое и крупное политическое и пропагандное поражение руководства КПСС. Если предпосылки для такой встречи отсутствуют, то всякую иную встречу наш народ воспримет, как попытку демократических стран поддержать позиции Хрущева: в отличие от иных демократических кругов ни в какую возможность «полюбовного сговора» с руководством КПСС наш народ не верит.

Мы не беремся предсказать, состоится или нет пресловутая «встреча», но прогрессивные и свободолюбивые силы всего мира должны использовать наступившую заминку для энергичного воздействия на мировую общественность. Основным мотто должно быть: или встреча, на которой будет обеспечено поражение Хрущева, или никакой встречи вообще, — что опять-таки есть поражение Хрущева. Но никакого «полюбовного сговора» с руководством КПСС, никакого нового Мюнхена! Полюбовный сговор может быть легко достигнут. Но не с коммунистическими правителями, а с поработанными народами через головы их правителей. Иного мирного решения кризиса история не дает. Иные решения это либо капитуляция (т. е. самоубийство) Свободного мира, либо Третья мировая война.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

А. Николлин. Преступная игра с огнем. — Лев Дубравин. Самоотверженный друг арабского народа (фельетон). — Л. Федоров. План без перспектив или перспективы без плана? — Л. Корблев. Хрущевский рецепт против коммунистических бацилл. — Касьян Гуцин. Когда срываются маски. — С. Кирсанов. Шаг вперед, два назад. — А. Павлов. Он еще скажет свое слово. — Н. Рутыч. Июльский путч. — С. Сокольников. Горький смех (памяти М. М. Зощенко). — На литературном фронте. — А. Пронин. «Конгрессы мира» и «нейтрализм». — Г. Андрианов. Один город — два мира.